

Николай Иванов (Горшков) родился в 1955 году в семье офицера в Туркмении. Окончил Качинское высшее военное училище летчиков в г. Волгограде. Служил на Западной Украине. В 1979 году был списан с летной работы по состоянию здоровья, работал на авиазаводе конструктором. В настоящее время пенсионер. Издавна увлекался литературным творчеством.

Николай Иванов

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Рассказы

Солнце всходило, разгоняя утренними лучами лохмотья прятывшихся по оврагам туманов. Нижний край его красного раскаленного шара растворялся в синей, мутной пелене. Верхушку царпали обрывки ночных облаков. Солнце всходило тяжело.

Две черные длинные тени перечеркнули солнечное сияние, и его заволокло зыбким, дрожащим маревом тепла.

Грохот прорезал слух, испарывая воздух, как будто нож рвет жестяной лист.

Сидящий внутри стеклянной вышки человек за пультом проводил взглядом две взлетевшие машины. Сидя здесь, он видел летное поле, стоянки и бетонные укрытия для самолетов, похожие на гигантских жуков капониры. Самолеты и технику. Он видел всю картину происходящего. Он чувствовал и знал ее.

Аэродром словно вымер. Ни людей, ни движущихся машин. Только вращающиеся антенны локаторов пронзали пространство щупальцами радиоволн.

Взлетная полоса провалилась в перископ самолета. Дрожащая, в раскаленных газах. Провалились огромные белые цифры на ее краю, стоянки и самолеты.

Она канула в никуда, словно отброшенная чудовищной силой.

Машина вонзалась в небо, насаживая на острие пространство. Машина — хищник. Со-

зданная человеческими руками, она не парила, как птица. Сродни, быть может, ракетам и молниям, она пронзала небо. Горизонт не плыл, не уходил плавно. Он проваливался, взмывал и метался, земля отбрасывалась в сторону, словно мяч.

И человек должен был успеть за машиной. Сейчас как будто бы стальная сетка сжала мозг пилота, стиснула в металлический кулак все чувства, все человеческое. Он видел, чувствовал и слышал только то, что нужно машине. И не она работала на него, а человек работал на нее. И с этими остекленевшими глазами и твердо сжатыми губами он был сродни ей — машине.

Где-то там внутри человека сжался в испуге теплый комочек, похожий на маленького человечка, живого и чувствительного.

И боялся он не напрасно. Ощущая неизбежное (на время слиться с машиной), он боялся, что может произойти обратное страшное чудо — и... уже машина отдаст человеку свою душу, холодную и безжалостную.

Как все хищники, она была стремительна и зубаста. Человек создал эту машину для войны, даже не понимая до конца, что он сделал. Ему нужна была машина как меч или копье, и он создал ее. Эта машина не строила, не творила, она разрушала. Она стоила немалых денег, но человеку нужна была скорость и жало, которое вопьется в такую же летающую железку. Он еще не обжил эту машину, а на смену ей уже приходила следующая, еще более ядовитая и стремительная. И человек торопился. Он должен был успеть за машиной.

Сидящий внутри стеклянной вышки человек слушал эфир.

Военная машина проверяла свою исправность. Исправность машин и нервов. Она брала все самое лучшее: машины, горючее, людей и лучшие годы жизни. Она превращала это в рев, грохот и взрывы. Старели машины и люди, росли дети, седали волосы. А взрослые дяди играли в войну. Они сталкивались на учениях, горели в воздухе, хоронили друзей, бомбили цели, сбивали миссии.

Они ничего не создавали и не строили. Сброшенной бомбой дома не построишь.

Они учились разрушать. Взрывать и сбивать.

Они играли в войну. По субботам и воскресеньям, по праздникам и будням, в непогоду, днем и ночью, зимой и летом.

Они приходили и уходили, совсем молодые и уже старые, а машина брала из них все самое лучшее. Год за два.

Под бетонным мрачным колпаком год здесь — как два года за его стеной. Или год перегрузок, высоты, тревог и нервов. Но, если честно, — за десять, за двадцать! Чем мерить? Жизнями, разводами, морщинами, потом, кровью, сединой?

Кто-то не выдерживал и уходил. Но другие оставались. Оставались только те, для кого небо что-то значило. Для кого самолет — это связь между человеком и небом. Для кого небо не просто атмосфера, а живое существо, которое надо любить и оберегать. Об этом знали только те, кто чувствовал небо и жил им.

Оставались только те молодые и уже седые летчики, которые тайком от всех шепчут ласковые слова своим железным птицам. Слова, которые не говорят даже любимым женщинам. И почему-то именно эти слова превращали машины в живые существа.

Во имя чего приносились все эти жертвы? Во имя какого Бога? Бога Войны или Бога Железных птиц?

Менялись идеи и идеалы, кумиры и кумирни, кроссовки и татуировки. Миллионы людей пили, ели, спали, читали газеты, спорили, ошибались, рожали детей, старели, умирали, лысели, смотрели телевизор и хоккей, занимались делами и сплетнями или просто бесцельно проводили время.

Менялись люди, менялись города, менялись правители и правительства, но небо не менялось. И пока люди на этой планете не договорятся между собой, по каким правилам или законам им сосуществовать, небо должно быть свободным.

Огромная высота и пространство не охватывались сознанием.

Там, на высоте, крыльям не на что опереться. Им не хватает воздуха. Летящей с огромной скорости машине не хватает воздуха, которого здесь так мало. Она вяло слушается рулей, как будто сонная рыба. Задыхаются крылья, задыхаются двигатели. И жизнь человека зависит только от машины. Если она не выдержит, то смерть наступит мгновенно. Они вышли за красную черту. Человек и машина.

Ту самую черту, жизнь за которой напоминает хождение над пропастью, где нет страховки и шеста.

Черное от высоты небо повисло над ним. Земля утонула в сизой мгле, провалилась в облачную пелену с торчащими из нее белыми башнями облаков.

Казалось, что их занесло так далеко, что они никогда не вернуться. И не было ничего, и как будто так было всегда. Это черное небо с проблесками звезд и ослепительное белое солнце, нестерпимым водопадом света взрывающее пространство.

И все остановилось и замерло.

Только гул двигателей, солнце и звезды и эти двое, затерянные в пространстве.

Сидящий в стеклянной вышке знал, что такое машины.

Раньше машины жили среди людей. Люди посмеивались над их детской неловкостью или удивлялись тонкому изяществу механических кукол, граничащих с произведением искусства. Это были не более как развлечения или игрушки. Милые капризные игрушки, за которыми надо было присматривать, как за маленькими детьми.

Но пришло время. И люди стали жить среди машин. Этих огромных монстров, которые становились похожими на людей. Они стали подразделяться на добрых и злых, на ленивых и быстрых, на хищников и не хищников.

Однажды он пролетал над морской армадой. Авианосцы, корабли, подводные лодки. Вся эта громада металла давила своей мощью и безжалостностью.

А эти маленькие мураши, называвшиеся людьми, так плохо и так мелко видимые с высоты, казалось, совсем отсутствовали, а было только это безжалостное и безмолвное скопление металла, железных великанов с этими ракетами, бомбами и самолетами.

И казалось, что они только и ждут дня, чтобы смести это муравьиное царство людей и завладеть всем миром. Мы стали работать на машины. Мы стали зависеть от них, от их капризов и желаний.

Военная машина проверяла свою исправность. Исправность железа и нервов, механизмов и характеров.

Сейчас около тысячи человек находились под железобетонными колпаками.

На связи напряженно прислушивались к всплескам эфира в кабинах самолетов.

Техники сидят у стен бетонных сводов. Говорят вполголоса, изредка посматривают на пилота. На самолете полное вооружение. Хочется курить. Пересохшие губы, охрипшие голоса.

Они ждут, когда раздастся команда, чтобы броситься открыть выход позади самолета.

Затрепещат свечи, взвоят турбина, раскаленные газы вырвутся из сопла. Ревом огласит своды проснувшийся двигатель.

Они включают механизмы. Бетонные челюсти раздвинутся в стороны, и самолет пойдет вперед. Они упадут на бетон, чтобы не попасть под горячую струю. И потом ждать, когда вернется самолет.

Генерал поднялся на вышку.

— Товарищи офицеры!

Генерал поднял руку, предупреждая уставную команду.

— Работайте.

Офицеры, штурманы и планшетисты продолжили работу.

Генерал подошел к сидящему за пультом и пожал ему руку.

— Обстановка?

— Одна пара в воздухе. Поднята по учебной тревоге.

— Какой уровень?

— Второй и третий класс.

— Хорошо.

Зазвонил красный телефон. Генерал и сидящий за пультом вздрогнули. Они знали, что значит этот звонок.

Генерал взял трубку.

— Говорит «Граница»! Реальная цель! Беспилотник. Тип Стелс. Идет по воздушной трассе. Мы не можем по нему отработать. Внешнего управления нет. Значит, запрограммирован на цель. Наведение со спутника по тепловому следу. Сбить любой ценой!

— Дежурному звену — взлет!

Сидящий за пультом повторил команду.

— Где пара в воздухе? Расстояние до цели? Подполковник, пару в воздухе наводить.

Сидящий за пультом бросил взгляд на генерала.

— Наводить, командир.

— 511, я вышка! Реальная цель. Включить канал наведения!

— 511, принял.

Генерал подошел к сидящему.

— Думаешь, не справятся?

Секундная пауза, когда разжались губы.

— Нет.

Раздался грохот. Четыре машины оторвались от полосы и исчезли в небе.

— А эти уже не успеют.

Сидящий за пультом взял микрофон. Как гранату, как рукоять затвора пушки. Он знал, что наступит та самая секунда, когда его антенна выстрелит в эфир его голосом. Он взял микрофон из черной пластмассы с резиновой воронкой. Почувствовал, как наливается теплом черный корпус. Он слышал все команды и ответы. Он весь превратился в слух. Растворились окна и двери вышки. Аэродром перестал существовать. Были только команды и ответы, и он был там, на высоте, где были два человека. И он ждал свою секунду. Он чувствовал их движения, видел их глазами, слушал их ушами. И ждал. Когда его собственная станция пошлет импульс туда на высоту, где двое работали в воздухе.

Автоматический радар, находящийся в хвосте самолета, что-то увидел. Его антенна из режима поиска перешла в режим наведения на цель и уставила свой глаз в точку пространства. Шестиствольное сверхскорострельное орудие сдвину-

лось с места. Зверь, за которым шел охотник, затаился за камнем, сузил глаза, присел на задние лапы, напряг мускулы и ждал своей секунды. В этом мире вещи стали существовать независимо от людей.

Время пошло. Включился секундомер. Цейтнот. Максимум правильных решений при минимуме времени. Мозг — как вычислительная машина. Двое против одного. Шансы высоки.

Оружие к бою. Лампы готовности ракет. Зуммер готовности ракет. Курс, скорость, высота, обороты двигателя. Норма. Прицел, связь, курс, скорость, высота, обороты, метка цели.

Вот он. Чужой.

Ведущий промахнулся. Он произвел залп двумя ракетами. Две белые стрелы сорвались из-под крыльев, в клубах дыма полетев вперед, сверкая четырехзвездными трассерами.

Но в ту же секунду он с ужасом увидел, как экран отражателя прицела вспыхнул зеленоватым светом — и кольцо захвата соскочило с электронного креста, беспорядочно заметавшись. Ракеты прошли мимо, взорвавшись от самоликвидации. Цель поставила помеху.

И он допустил ошибку. Он не вышел из атаки. Как замороженный, он смотрел на прицел, пытаясь понять, что произошло, продолжая полет, и вошел в зону поражения. Зверь прыгнул.

«Умная» пушка в Чужого изрыгнула тучу снарядов. Она разметала самолет ведущего на тысячи кусков металла.

Ведомый успел увернуться от обломков взорвавшейся машины ведущего. И это его спасло.

— 512! 511 сбит! Вышел из атаки!

Настала секунда черного микрофона. Сидящий за пультом стиснул клавишу.

— Спасательные вертолеты из ближайшего квадрата!

— 512! Внимание! Слушай меня. Выключи радар, включи тепlopеленгатор. Набери высоту выше над ним три тысячи метров. Будешь атаковать с помощью пушки. Сверху! Из мертвой зоны. Атака по тепловому следу. Он не пойдет на высоту. Он умный. Его засечет ПВО. Не забудь. Только пушка. Тепловые ракеты не пускать. У него наверняка есть защита. Я верю в тебя, лейтенант!

У пилота не было опыта. Он никогда не был в реальной опасности. Страх появился откуда-то из живота. Как будто всегда был там и ждал своего часа. Картина взрыва ведущего перед глазами не уходила. И страх стал вползать в него черными щупальцами. Сначала задрожали ноги мелкой противной дрожью, потом руки. Живот стал дрожать, и щупальца стали подбираться к сердцу, бьющемуся на запредельном ритме. У него не было опыта. Но только всплыла эта фраза, сказанная в эфире, страх замер.

— Я в тебя верю.

Это сказал тот, кто знал, что такое страх.

— 512! Я «Граница»! Курс... высота...

И когда он услышал голос, он забыл о страхе.

— У тебя будет не более десяти секунд для атаки!

— Внимание, 512! Над целью. Превышение три. Атаку разрешаю!

— 512, атакую!

— Спасательные вертолеты из ближайшей зоны!

— Я вылетаю в тот район! — сказал генерал.

Сидящий за пультом кивнул.

Генерал вышел.

Он стал падать сверху из мертвой зоны, где радар Чужого не видел его. Белая игла на экране тепловизора — тепловой след от самолета. На острие ее — Чужой. Секунды пошли. Игла стала расти в толщине. Тепловизор захватил острие иглы. Секунды, как вечность. Руки дрожат, пот заливает глаза. Держать кольцо в захвате. Ближе, ближе!

Разведчик. Черный, как смерть. Чужой. В его небе. Что он нес в своем черном брюхе, с какой целью пересек границу, не знал никто. И он был чужой в этом небе.

Сигнал атаки!

Он нажал гашетку. Вой скорострельной пушки потряс самолет.

Дымная трасса протянулась кипящей струей к черному силуэту и зацепила его.

Чужой напоролся на снарядную струю, как на лезвие бритвы, вспыхнул, перевернулся кверху брюхом — и, когда он начал падать, глаз автоматического радара засек нападающего.

И за секунду до взрыва смертельно раненный зверь, перед тем как сорваться в пропасть, полоснул охотника когтистой лапой снарядным залпом из автоматической пушки.

Щелчок. Кислород под большим давлением вошел в легкие, и они раздулись, как мяч. Щелчок. Воздух вышел. Щелчок — вдох. Щелчок — выдох. Две секунды вдох, две секунды выдох. Вдох — выдох. Вдох — выдох.

Взрывная декомпрессия. Высотный костюм работал. Его толстые резиновые шланги, словно полосатые удавы, опутывающие все тело, раздулись.

Они стянули капроновую ткань костюма. Нечеловеческой силой она сжала тело, не давая своим натяжением на этой чудовищной высоте вскипеть крови в лабиринтах вен и артерий. У машины была всего лишь доля секунды, чтобы не дать взорваться сердцу и мозгу. Немедленно кислород под большим давлением ринулся в легкие, сплюснутые костюмом. Они раздулись, как мяч. Потом щелчок и воздух вышел. Вдох — выдох, вдох — выдох. Высотный костюм работал. В мертвой машине осталось жить кислородное сердце, и оно вдыхало в него кислород. Эту голубую кровь. Мертвая машина заставляла жить это существо, замотанное в капрон, раздутое, как резиновая кукла с болтающейся от ураганного ветра железной головой. Даже не зная, жив он или нет. Вдох — выдох, вдох — выдох. Живой воздух входил него, касаясь омертвевших клеток. Кровь несла эти драгоценные капли в мозг. В этот сгусток вещества такого непрочного и слабого. Но машина упрямо вдыхала в него кислород. Он заставил мысль родиться в потухающем сознании. И человек открыл глаза.

Грохот. Страшный, раздирающий мозг и пространство.

Все ураганы мира обрушились на него. Стоя под громадой Ниагары, ревущей как тысяча тигров, обрушивая тонны бешено бурлящей воды. Стальные вихри терзали его тело. Они били в грудь и в голову, бросали из стороны в сторону, вырывали его из кресла. Натянутые, как тросы, капроновые ремни стонали, еле сдерживая натиск взбесившегося потока воздуха. Боль в голове и ушах. И этот грохот! Нескончаемый грохот падающих с огромной высоты каменных глыб. Стекло гермошлема было белым от инея. Это броня защищала его. Но он был слеп. Он был слеп и беспомощен. Сверхзвук ревел, врываясь в разбитую кабину.

Он же вышел из темноты! Смерть? Нет! Смерть — это когда темно! Опасность! Секунды, как смерть. Руки! Где его руки?! Жестокий холод! Не то, не то! Руки! Найти в себе силы, чтобы найти руки! Этот грохот! Раздирающий мозг на тысячу кусков! Где же руки? Погруженные в бурный ледяной поток. Неужели их нет? Его трясет, как в железной бочке, сброшенной в водопад. Клацают зубы, он захлебывается кислородом, глотая его окровавленными губами. В этой гремящей преисподней, в железной бочке, катящейся по камням! Пропась! Сейчас удар! Зловещий скрежет и взрыв! Белая ослепительная вспышка расцветет и сейчас погаснет! Взрыв и... темнота. Он почувствовал. Руки мечутся, их рвет поток! Прижать к себе изо всех сил! Вниз! Вниз! Руки! Он понял, что схватил рычаги. Красные рычаги опасности! Напрячься из всех своих последних сил! Даже не зная, делает ли это, он судорожно стиснул предохранители и с хрипом, криком и яростью рванул их на себя, уже ни на что не надеясь.

Генерал молча смотрел, как медицинский транспортный самолет вырубивал взлетную полосу. Рядом на рулежной полосе стоял еще не остывший вертолет. Его винты медленно вращались, останавливая движение.

Он смотрел, опершись рукою на борт своего железного орла, распластавшему крылья над бетоном.

Вряд ли кто узнает, о чем думал генерал в эту минуту.

Думал ли о том, как сложится судьба пилота в ближайшее время? Ведь после катапультирования на сверхзвуке остаются весьма тяжелые последствия. Думал о том, что сказать родителям погибшего пилота? И сколько еще пилотов пожертвуют собой ради этого неба?

Или надеялся на то, что молодой пилот преодолеет все барьеры, и опять ворвется в это небо, чувствуя под своей рукой двести тысяч лошадиных сил, и пробьет звуковой барьер, расписавшись в бесконечной синеве белым росчерком пера.

Вряд ли кто узнает.

И мало кто знает, где генерал заработал свои погоны и совершенно седые волосы. Ему было всего тридцать два года.

Транспортник взлетел.

Пилот чувствовал боль. Самолет качало, и врачи не всегда удачно попадали своими иглами в его вены. Опутанный капельницами, проводами и датчиками, он вздрагивал и смотрел в потолок. Отрешенным взглядом. Может, он еще не совсем понял, что происходит и где находится.

Молодая девушка-медсестра как могла заботилась о нем, укутывая в одеяло и смачивая его сухие, израненные губы влажной салфеткой.

Ее пугал этот взгляд. Она хотела прикрыть его от беды.

«Господи! Спаси его! Ведь совсем молодой. Наверное, и девушки еще нет». Ее душа хотела согреть его. Она взяла его руку в свою, и он повернул к ней голову.

Ее пронзила эта синь в его глазах, как будто кто-то щедрою пригоршней зачерпнул небо и плеснул ему в них.

Он увидел ее глаза, почувствовал тепло ее руки, и уже больше не отводил взгляда.

Он что-то увидел в ее глазах, наполненных слезами. Что-то очень важное и настоящее для него. Эта девушка, которую он не знал и первый раз видел в своей жизни, эта девушка хотела, чтобы он жил. Ему вдруг стало теплее. Как будто выходишь из холодного погреба на солнце.

Его часто бьющееся сердце стало успокаиваться, прерывистое дыхание становилось ровнее.

Он был не один, с ним была женщина.

Самолет молотил воздух, рвал его мощными винтами, натружено выли двигатели на максимальном режиме.

Он набирал высоту. Земля покрывалась сизой дымкой, отходя назад, пространство распахивало свои границы, непостижимые и бесконечные.

На огромной территории невидимое и неслышимое движение, как будто встревоженное крыльями самолета, катилось, как волна, в сторону большого города. Катилось, звонило телефонами, хлопало дверьми, срывалось в эфир с радиоантенн.

Командные пункты, диспетчеры разводили борты, меняли курсы и высоты, освобождая пространство, и передавали тревогу из рук в руки, из уст в уста: «Человек в опасности!»

— Борт 65711, займите высоту...

— Реанимобиль на аэродром!

— ...отверните влево на курс... пройдите две минуты...

— Подготовить операционную к работе!

— Бригаде нейрохирургов подготовиться!

— Квартира полковника Короповского? Срочная операции. Машина за вами уже выслана.

— Управление принял, я «Озерный подход». Внимание всем экипажам, находящимся в воздухе! Усилить осмотрительность, строго выдерживать заданные высоты, пропустить литерный борт!

— 85322, ваше удаление... впереди свободное небо!

— Спасибо, «Озерный»!

Ревели двигатели на максимальном режиме, фюзеляж дрожал и вибрировал, самолет хотел успеть, как будто не пилоты управляли им, а он сам стремился изо всех сил.

И сквозь этот вой и рев металла, которого накопилось в мире так много, что его лязг порой заглушает и детский смех, и пение птиц... Металла, которого стало так много, что среди его синевато-холодного нагромождения, пушек и ракет, авианосцев и танков, самолетов и подводных лодок порой не увидать человека и его душу. Металла, который хочет заставить подчинить себе людей, сделать их своими придатками и рабами. Сквозь этот лязг и грохот женские губы тихо шептали раненому, как молитву:

-Ты потерпи, милый, потерпи, родной, потерпи...

ГОЛЛАНДСКИЙ ШАГ

Если бы я не стал пилотом, то стал бы капитаном корабля. Я могу жить только в бушующем мире, когда земля уходит из-под ног. Для меня ничего не значит дом, стоящий на берегу океана. Мой дом — это вечный корабль в поисках Новой земли, Терра Инкогнита. Мне всегда не хватало пространства. И даже наша Земля казалась мне слишком тесной по сравнению с моими мечтами. Но почему-то птица для корабля — добрый вестник, а птица для самолета — посланница смерти.

Она была Королева. Все, все в ней было королевское! Осанка, кудрявые, светлые волосы, смех, беззаботность, безмятежность, легкость в движениях. Все мужчины были в нее влюблены. Весь мир принадлежал ей. Все девчонки завидовали.

Я тогда вступил в дельтапланерный клуб. Никогда не знаешь, сколько всего может тебе открыть жизнь за поворотом судьбы.

Но ее глаза, огромные, прозрачные, солнечные, сразу западали в душу. В них отражалось небо, солнце и облака. И раз увидев эти глаза, больше невозможно было ни о чем думать.

Я был новенький. Неопытный и смешной. Как желторотик. Куда мне до чемпионов неба и соревнований! Я делал вид, что не замечал ее. При таком внимании со стороны мастеров дельтапланерного спорта я был бы просто докучливой мухой, жужжащей над прекрасной розой. Я шутил и смеялся с другими девушками, особенно с некрасивыми, рассказывал им анекдоты, веселил их, но с ней не разговаривал, а если разговаривал, то без всякого интереса. А? Что? Какая Елена? Блондинка, что ли? Дельтаплан собирает? Помочь? Сама справится. Не маленькая!..

А сам влюблялся все больше и больше. Боже, как она двигалась! Как будто порхала над землей! Она ходила в школу танцев, и таких отточенных, женских движений я не видел никогда.

Я тогда летал на учебном дельтаплане. Старался быстрее его освоить, чтобы перейти на спортивные. Разница примерно, как между велосипедом и гоночным мотоциклом. Ребята участвовали в соревнованиях и показывали неплохие результаты. Привозили награды. Рассказывали захватывающие дух истории дельтапланеризма. Полеты между гор. Ураганные ветры. Поездки в другие страны. Соревнования во Франции, в Германии. Эти разговоры по вечерам у костра были просто волшебством, магией чего-то возвышенного, необыкновенного, чудесного! Просто восхищало душу и заставляло трепетать сердце! Никто ничем не ограничивал свое воображение. Мы были молоды и всемогущи! Перемещения во времени, ядерные энергии, полеты к иным мирам, все! Все, что угодно! И все было нам подвластно!

В те времена жизнь была совершенно иной. Она бурлила как ядерный котел, наполненный безумными идеями. Мы работали на авиазаводе, ремонтировали пассажирские лайнеры, а на субботу и воскресенье уезжали в горы или проводили отпуск в горах на полетах. Горы — это место силы! Огромное водохранилище в окружении высоких горных вершин, плотина, простор! Необыкновенное зрелище. Чистая, хрустальная вода, которую можно пить, сладчайшая и холодная. Нигде в своей жизни я не пил такую воду. И постоянный ровный ветер летом, восходящие потоки, позволяющие подниматься на хороших дельтапланах на высоту до семи километров. Лучшие из нас часами парили над этими просторами. Как я ждал конца недели, чтобы отправиться туда, где я был счастлив по-настоящему!

Они летали высоко. А я пока довольствовался полетами с километровой горы. Они стартовали с этой горы и улетали в небо. А я плавно опускался вниз, а потом тасил дельтаплан вверх. Два часа подъема и три минуты полета. Вот и все мои достижения. Пять полетов в день. На большее не хватало ни времени, ни сил. Но я был счастлив. Ибо за эти три минуты небо ласкало мою душу. А без неба я просто не мог жить.

И все это — простор, горы, облака и прекрасная юная королева — будоражили все во мне.

Так прошло полгода. Обычно мы ночевали в большой палатке на берегу. А в эту ночь было тепло, и мы спали в спальнях мешках прямо на открытом воздухе. Что-то меня разбудило ночью. При свете луны я увидел возле своих ног какое-то ушастое существо. Оно терзало мой ботинок возле спальника. Это был лисенок. Я шикнул на него, и он убежал.

Луна была огромная, как никогда. Тихо плескались волны, звенели цикады. А казалось, что это звенели звезды. По небу чиркали метеориты. Лунная дорожка лежала через все водохранилище. А до звезд было рукой подать. Я протянул руку и погладил звезду. Кажется, это был Сириус.

И тут я увидел ее. Она вышла прямо из серебра лунной дорожки. Тонкие очер-

танья, расплавленные в дрожащих волнах, изящный силуэт. Это была она, королева.

Я вылез из спальника и подошел к берегу. Извечным и волшебным женским движением, юная русалка выжимала волосы, наклонив голову.

Она совершенно не испугалась, когда увидела меня. Села на песок лицом к воде. Я присел рядом.

— Вода такая теплая, — прошептали ее губы. — Прямо ласкала меня, как живая.

Я тоже смотрел на воду, но меня волновали иные волны — волны счастья рядом с ней.

Я приблизился к ней, и она повернула свое лицо ко мне.

О, Боже! В ее глазах светились две Луны, две лунные дорожки, два Млечных пути и все звезды Вселенной. Завороженный всем этим, я замер, не зная, что говорить. Во мне происходило что-то совершенно невероятное.

Дальше было какое-то наваждение.

— Не хочешь искупаться?

Она взяла меня за руку и повела по берегу, я покорно пошел за ней, как невинная овечка. Боже! Какая же нежная у нее рука! Я чувствовал, как бьется жилка на ее руке, как ее рука ласкает мою руку. И она влекла меня за собой все дальше и дальше от лагеря. Ведь это все становилось нашей тайной. Безмолвно, без слов. Мы остановились, и я прижал ее руку к своим губам. Меня мучила жажда, я припал своими губами к ее губам.

Из всех воспоминаний остается только первый поцелуй. Кто его вкусил, тот никогда не забудет. Это признание в любви, это обещание любви, это тайна, которую доверили только тебе, любимому человеку. Это лепесток розы, прилипшей к губам, способ услышать биение сердца любимого в своей груди и ощутить в поцелуе его душу.

А дальше... Дальше — это жизнь в поисках потерянного Рая.

Я даже не знаю, есть ли на свете такие слова, чтобы можно было это описать. Что-то необычайно светлое и нежное наполнило до краев мою душу. И это опьянение любовью закружило нас! Мы останавливались на берегу и пили нектар наших губ. Сколько это длилось — минуты или часы, невозможно было определить. Время перестало существовать. Небесные часы остановили свой ход для нас.

Мы погрузились в волны, но жажда не оставляла нас. Мы целовались в теплой, действительно ласковой воде, и нас окружали отраженные звезды и расплавленное серебро. Мы летали в пространстве ночи. Что это было, я не знал. Дар небес или дар любящей женщины? Я скользил своими губами по ее лицу, по глазам, чувствуя дрожание ее ресниц. Я скользил по ее шее, плечам, рукам. Я хотел запомнить ее линии жизни. И она делала то же самое. Мы заново открывали себя. Своими нежными пальцами она касалась моего тела, как будто играла неведомую мне музыку, и целовала мои ладони, ища те самые линии жизни. Таинственное очарование сладости Божественного посетило нас. Сошлись наши души, звезды, линии планет. Кто знает.

Ее дыхание, мое дыхание, дурмящий запах ее волос и таинственная улыбка, похожая на улыбку Моны Лизы, женщины, которая знает все.

А может, Ева вышла не из ребра, а из лунной дорожки, и Адам так ошеломительно влюбился в нее, что, опьяненный этой любовью, послушался самого Бога. Этот дар был слишком изумительный, настолько неожиданный, превративший Еву в Богиню! Теперь я понимаю влюбленного Адама. И я бы послушался кого угодно. Опьяненный и восторженный, я боялся только одного. Что все это мне снится.

Так мы и встретили рассвет, на берегу, в объятиях друг друга.

Две чудесные мечты будоражили меня, сколько себя помню. И одна из них — это ожидание женщины.

Вякну этот день в своем далеком детстве. Перед грозой начался ветер, и я смотрел в окно, как поднималась пыль на дороге. Мне было всего двенадцать лет, и я увидел девочку из соседнего класса, ей тоже было двенадцать. Она шла откуда-то с зонтиком, и ветер пытался вырвать у нее этот зонтик. Развевались ее волосы, и разлеталась непослушная юбка, оголяя ее прекрасные ноги в белых туфельках. Она была похожа на мотылька. Это было так прекрасно! Я вдруг воспламенился неясной мне мечтой! Так и запомнил эту картинку на всю жизнь — она, ветер, зонтик и вспыхнувшая мечта моей юности.

И теперь эта мечта находилась в моих объятиях!

А примерно через четыре часа произошла катастрофа.

Константин, один из наших пилотов, опытный, спортивный парень, сегодня приехал без своего дельтаплана. Сидел на горе и скучал, глядя, как другие парят в небе.

Как он смог уговорить пилота по фамилии Сивец дать ему свой дельтаплан полетать, никто не знает. Это категорически запрещено без подготовки. Дело в том, что на дельтаплане Сивца был дефект — Голландский Шаг. Когда Сивец его строил, то произошла ошибка, смещение центровки, немного, буквально на десять миллиметров. Наш испытатель Андрей определил эту ошибку. Это ставило крест на дельтаплане. Обычно каркас разбирали, а парус сжигали, потому что летать на нем было опасно. При наборе высоты он начинал раскачиваться до такой степени, что становился неуправляемым. Лет пять назад в Голландии разбился дельтапланерист именно из-за этой ошибки. И эту раскачку называли Голландским Шагом.

Сивцу было сорок пять лет, когда он начал летать. Пилот был очень опытный, смелый, профессиональный. Он смог освоить этот Голландский Шаг и участвовал во многих соревнованиях. С тех пор этот дельтаплан прозвали Летучим Голландцем.

Константин не справился с управлением и врезался в гору. Он умер на месте, ударившись головой о землю. А Голландец, как ни странно, остался цел.

Я довез Елену до дома. День был тяжелый. На всем лежал отпечаток скорби, на ее волосах, на руках, плечах, и на ее глазах. Они потухли, потеряли блеск и радость.

Она сидела и молчала. Потом вышла из машины.

Я тоже вышел.

Хотел обнять ее, но она отстранилась. Я ждал.

— А почему ты такой спокойный?

— Что?

— Почему ты такой спокойный? На твоих глазах разбился человек, а ты спокойный?! Как будто ничего не произошло!

И тут я понял, что значит настоящая королева!

Она кричала на меня так, что, казалось, небеса сейчас обрушатся на меня. Или упадет метеорит. Или меня поведут на гильотину. Бросят в пропасть. К диким зверям на растерзание!

— Это я убила его, понимаешь! Я! Он ведь уже уходил! Несколько секунд, и мы бы разминулись, и он бы уехал домой, понимаешь?! И был бы жив! Почему, почему именно я оказалась на его пути? Почему я должна страдать теперь всю жизнь?! За что?! Зачем!?

И чем больше я молчал, тем было хуже.

— Безжалостный! Бессердечный! Бесчувственный! Как ты можешь быть таким спокойным, как?!

И она разрыдалась.

Оказывается, произошло еще кое-что, чего я не знал. Константин пришел в клуб

к девяти утра в субботу, как обычно. Все собирались на полеты, выносили дельтапланы в автобус, продукты, палатки, подвески. Шум, суета, смех, шутки. В общем, как всегда. В клубе была еще одна комната. Под замком, где находились проблемные дельтапланы, разбитые, недоделанные, отложенные для испытаний. Как его дельтаплан оказался в этой комнате, до сих пор никто не может понять. Ключи были только у начальника клуба, а он был в командировке. Так как дельтапланы нельзя было передавать друг другу, он не мог поехать на полеты. Просто так сидеть и не летать, это скучно и неинтересно. Табу. Запрет. Закон. И Константин в печали пошел домой. И тут он встретил ее.

Она порхала над землей в своих изящных кроссовках, в белом платьице, сияющая свежестью утра, прекраснейший цветок с лучезарной улыбкой волшебных глаз.

— А ты что? Никуда не едешь? — наивно спросила королева, не зная, что происходит.

И он вернулся в клуб, подписав себе смертный приговор. Он просто не смог устоять перед ее глазами...

Я стоял и молчал. Бедная девочка, она никогда не видела смерть так близко.

Когда в летном училище, где я учился, разбился первый курсант и я с товарищами нес гроб с его телом, я не испытывал сожаления. Это было так странно. А может, дело в том, что я точно знал, зачем пришел. Я пришел летать. А за высоту надо платить. И настоящие пилоты знали, зачем пришли. И так произошло шестьдесят раз за четыре года, пока я учился. Тот, кто по — настоящему любит небо, не боится смерти. А тот, кто по-настоящему любит женщину, не боится ничего.

Неужели я влюбился в роковую женщину? Скольких она еще убила своими колдовскими глазами?

Сейчас она уйдет. Уйдет от меня, уйдет из клуба. Навсегда.

Выйдет замуж за простого парня, например, за строителя, который твердо стоит на ногах на земле. Родит ему кучу детишек, расплнеет, ее глаза потеряют этот солнечный свет. Говорят, чтобы жемчуг не потерял свой дивный блеск, его надо хранить на солнце. И они с мужем будут смотреть по вечерам телевизор с его длинными сериалами. И она навсегда забудет те дни, что когда-то летала, и ту лунную дорожку, из которой она появилась.

Ворота Рая закроются.

И вдруг! Я услышал, как щелкнула шестеренка на Небесных Часах, Вселенский Маятник качнулся и стал набирать свою бешеную скорость! Сейчас он разгонится до сверхсветовой скорости и ударит меня в грудь, разбивая мое сердце! Включился метроном Судьбы. Небесные часы пошли.

— Я завтра лечу! — крикнул я в Пространство. В ее спину. В себя. В Небо.

Страх ударил меня в грудь и стал вползать в мою душу. Я знал, что такое страх. Если его вовремя не остановить, он высосет всю твою волю до последней капли, силу твоих мышц, уверенность твоего разума, и ты будешь бояться черной кошки, переходящей через дорогу.

— Что?!

Она споткнулась, как будто о невидимую стеклянную стену. Повернулась. Глаза ее были в ужасе.

— Что ты сказал?

— Я завтра лечу. На Голландце.

— Как это полетишь?!

Она подошла ко мне.

— Клуб опечатан. Полеты закрыты. Прокуратура ведет следствие.

— Ну и что. Я сломаю замки.

Она приблизилась ко мне свое лицо, полное непонимания и страха. И глаза, полные слез.

— Ты со мной?

— Я?!

Казалось, что сейчас она упадет в обморок.

— Если я покалечусь, у тебя будет возможность меня спасти, если погибну, то ты будешь присутствовать на моих похоронах. Но главное, ты увидишь все. И что я не он. Я не поворачиваю назад.

— Ты сошел с ума!!!

— Нет. Ты только что назвала цену.

— Что? Какую цену?

— За свою любовь.

Я чеканил слова, как будто подписывал свой смертный приговор.

— Завтра. В девять утра. Я отъезжаю. С тобой или без тебя. И не вздумай сегодня кому-нибудь звонить.

Я повернулся и пошел. От нее. Потерянной и в страхе. От себя, от любви.

Над горами собиралась гроза. Я стоял на вершине горы с привязанным за камень Голландцем. Он пританцовывал, подергивая за капроновый шнурок, закрепленный на носу. Его волновал воздух, и он рвался в небо. Внизу на берегу виднелась машина, мой друг и ее белое платье. Ветер был в гору, но порывистый.

Ветер развевал ее волосы и разметал юбку. И вдруг я вздрогнул. Это была та картинка из моего детства. Девочка-мотылек. Идущая по дороге. Только зонтика не было.

У меня был настоящий друг. Он не стал спрашивать, зачем мы едем? Просто уточнил время и приехал вовремя.

Я попросил его только об одном. Если она побежит в гору, удержать ее любой ценой.

Мой друг был хорошим спортсменом. Но он не смог удержать ее. Она закричала, вырвалась и бросилась в гору.

Вот он, момент истины! Сейчас или никогда!

Я надел шлем, пристегнул подвеску, поднял дельтаплан и встал против ветра. В авиации существовал закон. Из всех возможных вариантов действий выбирай два, а из них один. Взлетать или вернуться. Можно было все свалить на погоду. Собиралась гроза. Я доказал свою смелость, моя девушка наплакалась и натерпелась, она меня простит, мой друг поймет меня и ...

Но был еще один свидетель моего позора. И он меня никогда не простит. И я сделал то, за что нас безумно любят и... ненавидят.

Я сделал шаг.

Отход от горы был плавный. Но вот порыв ветра задрал Голландцу нос.

Я потянул дельту на себя. Я слышал все, что говорили об этих Голландцах. Ты думаешь, что управляешь им, а он обманет тебя. Это он управляет тобой. С ним нужна особая интуиция, своя система управления, не так, как с другими, послушными аппаратами.

А Голландец продолжал задираť нос. Сейчас он свалится в штопор и врежется в скалы. Но я застыл. Я не давал своим рукам двигать дельту. Я искал другое управление. Я замер, не давая старому навыку действовать.

Голландец опустил нос и вышел в горизонт. Но погоду не обманешь. Порыв ветра ударил сверху, и Голландец пошел вниз. Я оттолкнул дельту от себя и опять застыл. Голландец вошел в пикирование. Стонал парус и гудели тросы, он падал, набирая скорость. Сейчас он врежется в скалы, разламываясь на куски и ломая меня вместе с собой! Получи, человек, за свою самоуверенность и наглость! И я погибну на глазах у нее, подтвердив ее роковую сущность. И сквозь шум ветра я услышал ее крик. Увидел ее глаза, расширенные в ужасе.

Время застыло. На миллионную долю секунды.

И тут что-то вошло в мои руки. Чьи-то другие руки, уверенные и спокойные. Они соединились с моими руками, Голландцем, с потоком воздуха, это вошло в меня и заполнило всего. Я вдруг понял все. Тысячи иголок пронзили мои клетки.

Перед самой землей, в том месте, где светилось белое платье, Голландец взмыл в небо.

Он и вправду был летучий. Он рвался в небо, туда — на высоту. И я почувствовал это. Он пришел. Тот невидимый, который всегда был рядом со мной. Сколько раз он приходил ко мне на помощь. Но только употребляющий усилие восхищает его. Я ждал его, я хотел встречи с ним. Это будоражило меня с тех пор, как я увидел взлетающие космические корабли. Вторая мечта. Она терзала и жгла меня днем и приходила ночью в фантастических снах.

Я рисовал космические корабли. И я мог на них летать.

Он вошел в мои руки, дал им силу, и в мою душу, наполнив ее ликованием, восторгом и уверенностью, и соединил меня с Голландцем. То, что называется чувством полета. Дар неба. Тот, в ком не проснется этот дар, тот должен уйти. Навсегда. Ему не дано. Не позволено. Закрыто. Мало иметь крылья, надо еще и чувствовать их.

Как резвый конь он задирает нос, и я позволил ему это. Мощный восходящий поток понес нас стремительно и неотвратно. У меня захватывало дух, кипела кровь, бурлило все. Миллионы эмоций пронзали мои нервы. Я горел, как факел. Захлебываясь небом, я ликовал и кричал в пространство — я здесь! Я счастлив! Я благодарен тебе!

Где-то внизу осталась гора, вода, плотина, города, реки, суета, страх, сплетни, волнения. А я пил и пил свое счастье, свою безумную любовь, я возвратился в небо, и оно приняло меня!

Я и Небо! Солнце ослепило меня, когда я выпрыгнул из облаков! Зрелище, достойное богов!

Белое безмолвие было подо мной. Из облаков торчали горные вершины, покрытые снегом. Стояла Тишина. Величественная и торжественная. Когда ты вырываешься за границу неизвестного, ты можешь увидеть то, чего не видел никогда. И ощутить те чувства, которые не встретишь на земле. Это был восторг Высоты и Пространства! Головокружительная Красота Мира!

Мне не хотелось возвращаться на землю. У меня еще оставались силы. Но мне надо было увидеть еще кое-что.

Когда я приземлился на берег, разразилась гроза! Молнии били прямо в воду, ливень хлестал своими жесткими струями. Мой друг подбежал ко мне, и мы сложили крылья Голландца.

Елена набросилась на меня со всей своей королевской яростью, кричала и била меня своими кулачками. А я даже не защищался, потому что испытывал другие чувства. Грохотали молнии, дождь обрушился на нас водопадом. Сквозь грохочущий гром я слышал только обрывки слов: «Ненавижу! Ненавижу!»

Ее слезы смешались с дождем, и я почувствовал, как дождь стал соленым.

Она била и била меня, а я молча терпел ее удары, ожидая конца этой женской стихии. Наконец, остановилась. Прижалась ко мне, мокрая, ослабленная и покорная. Превращаясь из королевы в плачущую девочку. Эта девочка нуждалась в защите, и я обнял ее. Полет длился для нее так долго, и я мог представить себе, что она испытала за эти минуты. Второе убийство она бы уже не пережила.

Я задрал голову, и дождь падал мне на лицо, которое горело, как огненная лава из вулкана.

Завтра! Меня выгонят из клуба. Лишат меня неба и радости полета. Ведь я на-

рушил все мыслимые и немыслимые человеческие законы. Кто-то не подаст мне руки. Не поздоровается. Не улыбнется при встрече. Не поздравит с днем рождения. С Новым годом.

И тут я улыбнулся. Это будет завтра! Я стану изгоем общества. Хулиганом, разрушителем, изменщиком, предателем...

А послезавтра! Я начну строить свой дельтаплан. И я его сделаю так, что у него будет Голландский Шаг!

Эпилог

А из клуба меня все-таки не выгнали. Когда приехал начальник клуба из командировки, я рассказал ему все, что сделал и почему. Он помолчал некоторое время, как будто что-то вспоминал из своей молодости, потом спросил:

— Ты замки поменял?

— Конечно!

— Где мой комплект ключей?

Разговор с Сивцом был тяжелый. Я ожидал чего угодно: драки, удара, оскорблений, криков. Но то, что он сказал, меня просто ошеломило.

— Костя сказал, что хочет освоить голландский шаг. И я поверил ему. Я ошибся. Не смог оценить его способности.

Он задумался.

— Голландец теперь твой. На прощанье скажу только одно — никогда! Никогда не бросай управление. Я видел. Он бросил дельту и закрыл голову руками. Это его и убило.

И Сивец ушел из клуба. Больше мы о нем ничего не слышали.

Прошло несколько лет. Я смотрел, как мой двенадцатилетний сын с такими же, как он, ребятами делает подлеты на учебном дельтаплане.

Елена готовила чай на костре и смотрела в ту же сторону.

— Как ты думаешь, у него получится? — спросила она.

Я повернул голову к ней.

— Летать или любить?

Она встала, подошла ко мне и обняла меня теплыми руками.

Ее лучистые глаза, сияющие, как звезды, самые прекрасные на свете глаза, окутали меня своей нежностью!

— Прекрасно летать и чудесно любить, мой Король!

И ее глазами улыбалось само Небо.

АНАТОМИЯ НЕНАВИСТИ

Они были в черном. Я не знаю, почему. Почему они любили именно этот черный цвет? Цвет смерти. Неужели есть такие люди, для которых черное — это красиво. Были еще какие-то надписи на их одеждах и черных знаменах. Но я особо в них не разбирался.

Они так и выглядели: черные тараканы, ползающие по желтому песку. И дети, играющие в свои игры возле них. Кажется, эта игра называлась «Асыки». Какие-то кости от баранов, раскрашенные в разные цвета. Они кидали их на песке по каким-то своим правилам, придуманным их предками много лет назад.

Злые, безжалостные убийцы. И все-таки люди.

И был приказ. Договориться о сдаче или уничтожить их. На мое усмотрение.

— С Бешеным Гаданфаром¹ невозможно договориться, командир.

¹ Гаданфар (арабск.) — лев.

Сириец в моем отряде знал, что говорил. Невозможно. Слишком ярый террорист.

Они прикрывали себя детьми. До какой низости нужно опуститься, чтобы прикрываться детьми, как щитом.

Я рассматривал их в полевой бинокль из-за скалы, за которой мы прятались. Деревня была примерно в двух километрах от нас. Пустынное место перед деревней хорошо простреливалось. Дозоры с пулеметами были выставлены. Так что атаковать их было невозможно. И наши снайперы не достанут. Тем более, там были дети.

Со мной тридцать три бойца. «Мои тридцать три богатыря», как говорил прадед в гражданскую. Это мое любимое число. У меня был приказ — освободить деревню.

— Надо начинать штурм, командир. Вызовем «вертушки» и самолеты.

Это сказал мой заместитель.

Они привязали к столбу на деревенской площади какого-то мужчину. Рядом стояла женщина с детьми.

Когда в мужчину боевики стали кидать камни, женщина и дети закричали. Очевидно, это был отец семейства. Здесь криков не было слышно. Слишком далеко. Я опустил бинокль.

— И каковы наши шансы?

— Где-то процентов пятьдесят мирных жителей сумеем сохранить.

— Не факт. Может, и меньше.

— Тогда нароем их ночью. Когда будут уходить.

— Да. Но днем они перебьют всех. Оставят человек сто в заложниках и поедут с ними в другую деревню. Все продумано, капитан.

«Проценты... — подумал я. — Что значат все эти проценты по сравнению со смертью хотя бы одного ребенка?»

Я поднял бинокль. Окровавленный мужчина повис на веревках, которыми был привязан к столбу.

Я взял ракетницу и выстрелил красной ракетой. Красная звезда зажглась в небе, оставив дымный белый след. Нас заметили.

Я снял гимнастерку, фуражку, жетоны и документы отдал заместителю. Оставил только натальный крест.

— Все. Времени нет. Принимай командование, капитан. Я иду к нему. Хочу поговорить.

— Как ты мог его отпустить? — спросил сириец у капитана. — Одного и без оружия.

Капитан опустил бинокль и включил свой планшет.

— А он и есть оружие.

Они прикрывались детьми. Знали, что делать. Ведь русские — это не американцы. Те не будут долго думать. Если в деревне террористы, они просто сжигают деревню. Так проще. Никаких тебе переговоров, гуманитарных коридоров, воды, продовольствия. Просто нажимаешь кнопку, падают бомбы, летят ракеты, и деревни нет. Это называется освобождение по-американски. Так было в Корее, так было во Вьетнаме, в Ираке, в Ливии, так и здесь. Стиль есть стиль. И он не меняется. Так дешевле. Для них война — это просто бизнес. Ничего личного.

Боевики знали, что мы русские. Их отряд, где-то сто пятьдесят человек, занял деревню. Они были на броневиках. И хорошо вооружены. Местные жители их кормили. Они не ждали случая, чтобы выскользнуть из окружения. Ведь боевики хладнокровно убивали всех.

Я разделся до пояса, чтобы они видели, что на мне нет пояса шахида и вообще нет оружия. Но рук я не поднимал. И белый флаг я тоже не брал.

Громы в плен не сдаются.

Я шел по этой каменистой пустыне, и у меня было несколько минут, чтобы подумать. В любую секунду могла прилететь пуля. И все. Меня больше нет. Но пока не стреляли. Все-таки любопытство сильная вещь.

Чужая пустыня. Чужое небо. Двадцать первый век. Война.

Отец говорил: ищи во всем промысел Божий, тогда будешь знать, как поступать.

Но я шел по пустыне и пока не знал. Зачем иду? Ради тех, кого сейчас будет убивать Гаданфар? Или ради тех, кого он еще не убил? И почему это зло лезет из всех щелей? И почему войны на планете то затихают, то опять начинаются? И мир — это не мир, а всего лишь перемирие между войнами. И почему, если отрубить голову злу, на его месте вырастает десять голов? Кто разводит на планете всех этих шахидов, талибов, игиловцев? Этих убийц! Или война становится для них одним из видов развлечений? Для тех стран, которые наелись, напились, награбились до отвала, чувствуя свою безнаказанность под ядерными зонтами.

Чужое небо, чужое солнце, чужая земля. И только боль. Знакомая до слез. Боль несправедливости. Когда чужие приходят в твой дом и решают, кому жить, а кому умирать. И топчут коваными сапогами твою землю.

Мы это знаем. Это у нас в крови.

Они называют себя по-разному — террористы, экстремисты, ультрас, радикалы. А суть всегда одна. Зверь в рогойта каске со свастикой. Оскаленная пасть с капающей с клыков кровью. Не дай зверю проснуться в твоей душе. Ибо станешь таким же. Фашизм всегда фашизм. Какими бы идеями и знаменами он не прикрывался. Красными, зелеными, черными, желтыми, звездно-полосатыми...

А по пустыне катились вечные перекасти-поле. Колючие шары-путешественники. Куда подует ветер, туда и покатится этот странник пустыни, рассыпая колючие семена по дорогам судьбы. Все хотят жить.

Деревня приближалась.

И я начал читать. Ту молитву, которую читал отец перед битвой, которую читал дед, прадед и все мои предки.

— Живый в помощи Вышнего, в крове Бога Небесного водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси, и Прибежище мое, Бог мой и уповаю на Него...

— Ты зачем пришел на мою землю, русский? Оставил свой дом, жену, детей? Ты хочешь умереть здесь?

Каменный столб посреди деревенской площади с привязанным к нему мертвым мужчиной был забрызган кровью. Святой кровью. Того, кто не согласен.

— Я не желаю мира твоему дому, Гаданфар*. Потому что это не твой дом. И не твоя земля. Я увидел то, что ты делаешь с теми, чья эта земля и чей дом, и мой гнев воспламенился против тебя. Значит, ты мой враг. И я пришел к тебе, к моему врагу.

— Да. Я предлагаю этим людям стать воинами Аллаха. Тех, которые не соглашаются, я казню. А также убиваю их жен и детей. Забираю их скот, имущество. Это угодно Аллаху. Неверные должны умереть. Они пыль пустыни, мерзость перед его очами. А некоторых детей я привяжу к своим броневикам и поеду в следующую деревню, чтобы судить неверных. И меня никто не остановит. Ибо я — Гаданфар, воин великого Аллаха. И чем больше я убью неверных, тем большим человеком я буду в раю, и тем больше у меня будет богатств, рабов и прекрасных женщин.

— А вот мой Бог сказал мне, для того чтобы я попал в рай, я должен полюбить врага своего. Помоги мне. А то я сам не могу найти в тебе то, за что тебя можно любить.

Он усмехнулся презрительной улыбкой.

— Твой Бог — Бог слабых, русский. Аллах сильнее. Он убивает неверных без сожаления. И тебя ждет то же самое. Смерть. Вы русские — слабые. Семья слабый, детишка не рожает, мальчик — как баба. Зачем живешь? Зачем приехал? Сидел бы дома, пил водка.

— Мир изменился, Гаданфар. Теперь русские не будут ждать, когда зло придет в их дома. Они будут останавливать зло везде, где оно появится.

Меня зовут Гром. Запомни, Гаданфар.

Я воин Христа. И я здесь, чтобы остановить тебя.

Уходи. Я вызову автобусы, тебя и твоих людей увезут в Идлиб со своим оружием. Броневики надо бросить здесь...

Их смех — это смесь брешущей собаки, которая давится костью, и несмазанной скрипучей арбы. Но восток — это восток. Я их позабавил. Я просто был мышкой, с которой играла кошка, перед тем как съесть.

— Ты мне нравишься, русский!

Это сказал Гаданфар.

— Я вырву твое сердце. И брошу его собакам.

Я посмотрел ему в глаза. Но он стоял далеко от меня в окружении своих боевиков. Мне он нужен был ближе.

— Так ты говоришь, что твой Бог сильнее?

— Да, русский! Аллах велик.

— Тогда давай сделаем так. Я вызываю тебя на бой. Только ты и я. Если твой Бог сильнее, то тебе нечего бояться. Если ты победишь меня, я умру. Если я побеждаю, ты и твои люди садитесь в автобусы и уезжаете. Согласен?

Он презрительно осмотрел меня с головы до ног. И опять заперхал своим особым смехом. И все рассмеялись.

— Ты посмотри на себя, русский. Разве ты достоин, чтобы сразиться с Бешеным Гаданфаром?

Да. Супергероем я не выглядел. Но это мне было только на руку.

— Можешь меня испытать. Здесь есть русские, которые приняли ислам?

Из толпы вышел один. Светловолосый, в чалме и с бородой. Борода тоже была светлая.

— Я с тобой сражусь, — сказал он, сбрасывая оружие.

— Как тебя звали раньше, добрый молодец?

Издаваясь над ними, я все больше разжигал в них ненависть. Если бы они только знали, что в ненависти нет силы.

— Звали Михаилом. А теперь я Махмуд.

Гордо сказал. Все одобрительно загудели. Я говорил на местном диалекте, чтобы все слышали.

— Ну и почему Христа предал?

Глаза его полыхнули огнем.

Он достал из кармана пачку долларов.

— Вот почему! Аллах мне дает все и сразу. Без этих твоих милосердий или любви ближнего. Убил, и все твое!

— Я понял тебя. Каешься?

— Ха-ха-ха! — посмеялся он. — Никогда!

Опять этот довольный гул одобрения.

— Я заметил, что ты доллары держал правой рукой.

— Ну и что?

— Значит, это правая рука соблазнила тебя?

— Да плевать! Аллах Акбар! — закричал он и бросился на меня.

Он вопил животным воем, когда я сломал ему правую руку. Кричал и катался по земле, разбрызгивая кровь. Он сжимал левой рукой правую, пытаясь остановить кровотечение.

Их лица стали злые и черные. Смеха уже не было.

Гаданфар подошел к раненому, обнял его по-братски, прижав его голову к себе и... свернул ему шею. Раздался хруст и сдавленный крик. Тело рухнуло на землю.

Воцарилась тишина. Только ветер шевелил редкими кустами.

— Аллаху не нужны слабые воины.

Это сказал Гаданфар.

— Есть еще православные, принявшие ислам?

Это спросил я.

Все молчали, глядя на мертвого, лежащего на земле в луже крови, с высунутым языком.

Гаданфар снял ремни, положил на землю оружие.

— Аллах Акбар! — закричал он яростным, страшным голосом.

— Аллах Акбар! — закричали все.

Он набросился на меня, как бешеный носорог. Со всей своей злостью и ненавистью. Вот он, момент истины. Хрустели кости, кипела кровь. Он кидал меня на каменистую землю и дышал на меня своей злобой.

Они орали от восторга и ярости. Как же — их командир, их вождь наказывает неверного, оскорбившего всех своей дерзостью.

Одного он только не знал, этот раб ненависти и ярости. Что тот, в ком затих голос гнева, может слышать голос Бога.

«Да не придет к тебе зло, и рана не приблизится к телеси твоему...»

Он крушил мои зубы и кости, яростно и часто дышал мне в лицо, бил ногами и кулаками, вкладывая в свои удары всю свою ненависть.

«Яко ангелам своим заповесть о тебе, поведут тя на всех путех твоих...»

Я знал, чего хочу.

Есть разница: когда смотришь на своего врага через оптический прицел снайперской винтовки и когда смотришь своими глазами в его глаза.

Глаза в глаза.

Лоб в лоб.

Дыхание в дыхание.

Он не знал.

А я знал.

Когда в меня пахнуло смрадом его легких, брызги его пота и слюны полетели мне в лицо.

И я начал дышать, как он. Двигаться, как он, смотреть, как он. Думать, как он.

Он ломал меня и крушил. А я поднимался и все ближе был к цели. И вот. Свершилось.

Я обхватил его голову руками, уткнулся своим лбом в его лоб, и наши глаза встретились.

И грянул Гром.

В глубине его черных зрачков я увидел Его. Того, кто управлял им. Ненавистника всех людей. Того, кто управлял всеми маньяками, убийцами, гитлерами, наполеонами, потрошителями... Яростные глаза преисподни.

Не дай тебе проснуться в твоей душе. Иначе он вселится в тебя.

И тогда я ухмыльнулся своими окровавленными губами.

— Изыди, Тварь. Да воскреснет Бог.

И настала тишина.

Только ветер шелестел над нашими головами.

— Обачи очима твоими смотриши, и воздаяния грешников узриши...

Он стоял напротив меня с окровавленными кулаками, и глаза его застыли в ужасе.

— Шайтан!

Закричал он. Он, кажется, понял, кто я такой.

— Шайтан! Шайтан! Шайтан!

Но теперь он был просто человеком.

— На аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия...

И тогда я набросился на него.

Я сбил его с ног и поставил его на колени, лицом к ним. Я держал его за горло левой рукой, а правой, схватив за волосы, задрал ему голову. Он вращал своими бешеными глазами, налитыми кровью, дышал, как загнанный конь, весь в крови и пыли, пытаюсь сбросить мою руку своими руками. А я железной хваткой сдвигал ему кадык.

Они смотрели молча. И никто уже не кричал «Аллах акбар».

Стоило кому-нибудь из них только дернуться, и я вырву ему трахею. Даже если они откроют огонь из всех своих автоматов, я, мертвый и продырявленный пулями, на последних ударах сердца все равно убью его.

Но никто не поднял оружие.

Его тело затихло.

Я бросил на землю полузадохнувшегося Гаданфара и поднялся.

— Я Гром! Запомните, мусульмане! Я воин Христов.

Они расступились, и я прошел сквозь них не оборачиваясь. Я не стал смотреть, когда они поволокли Гаданфара к столбу и привязали веревками. Я знал, что это единственный выход для него. Позор страшнее смерти. Это была их любовь.

Последнее, что я видел, как слезы текли по его лицу. И как он смотрел на меня.

Железная птица высоко в небе кружила над деревней, невидимая глазу.

Я поднял руку и показал большой палец.

Через некоторое время прибыли автобусы. Боевики сели в них и уехали по дороге, поднимая шлейф желтой пыли. Пятеро боевиков из их отряда остались. Они вступили в сирийскую армию. А Гаданфар остался на столбе, глядя пустыми глазами на деревенскую площадь. Над ним кружили вороны.

Врачи меня часто собирали по кускам. Как мозаику. Как лего. Как конструктор. Ну, правда, кое-что добавляли. Недостающие детали. Так что я частично железный дровосек. Многие кости из титана, кардиостимулятор, часть черепа из какой-то пластмассы и так далее. Но что самое интересное, я все-таки живой.

Ну, ничего. Не впервой. Надо подлечиться.

Я сидел в кресле-качалке на веранде в доме матери в нашей деревне и смотрел, как моя двенадцатилетняя дочь режет лук.

Странно. У нас в роду рождались одни мальчики.

У отца и деда, и прадеда. Все становились воинами.

А у меня родилась дочка. Неужели род воинов прекратился? Мы назвали ее Гроза. Моя мать настояла. У нас была традиция в роду. Мальчиков называли именами дедов и отцов. Теперь она Гром Гроза Громовна. Жена звала ее Грымза. Ну или Грозулька. Это зависело от настроения.

Морщась от острого запаха, она резала луковые клубни, всхлипывая. И вытирала тыльной стороной ладони слезы.

— Доченька?

— Да, пап.

— А кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

Дочь закончила резать лук, вытерла нож и стала задумчиво поигрывать им, глядя сквозь меня, куда-то вдаль.

— Не знаю, пап, может, швеей-мотористкой. Или каким-нибудь менеджером по продаже парфюма.

— Ну да, понятно.

Очевидно, у меня был кислый вид. Она рассмеялась.

Столовый нож полетел в деревянную колонну веранды и воткнулся в бревно.

Дочь повернулась ко мне и хитро посмотрела в мои ошарашенные глаза.

— Пап, я подала документы в кадетский корпус военной разведки. Разве мама тебе об этом не успела сказать?

Я поглядел на звенящий нож и вдруг понял, что моя дочь — это моя дочь. И все теперь только начинается.

